

Михаэла Пешкова, кандидат филологических наук

Заведующий кафедрой русского языка

Западночешский университет

Республика Чехия, г. Пльзень;

Божкова Галина Николаевна, кандидат филологических наук

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Елабужский институт Казанского федерального университета

Республика Татарстан, г. Елабуга

СОПОСТАВЛЕНИЕ КУЛЬТУР КАК МОТИВАЦИОННЫЙ ФАКТОР ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

***Аннотация:** В статье изучены близость и отдаленность моделей русской и чешской культур на примере взаимовосприятия культур студентами-стажёрами. Представлены итоги проведенного исследования (весна 2018 г.), восприятия чешских студентов-русистов России и русского языка на основании их субъективного восприятия русской культуры, и обсуждается роль подобного влияния как мотивационного фактора обучения иностранному языку.*

***Ключевые слова:** методика преподавания РКИ, университетская подготовка преподавателей иностранных языков, межкультурное образование.*

***Abstract:** The presentation explores the issues of cultural closeness and distance in relation to foreign language studies. The presenter first shares theoretical views of the topic, especially with focus on Czech and Russian cultures. Then she presents her research findings on attitudes to Russia and the Russian language collected among students of Russian and analyzes them with respect to the students' motivation to study the language.*

***Key words:** Russian teaching methodology, pre-service teacher preparation, intercultural education.*

В восприятии близости и отдаленности культур — русскими чешской культуры и чехами русской культуры — наблюдается определенное неравновесие [4, 149-150]. Личные контакты, переговоры, многолетний опыт работы со студентами-стажерами, а также анализ медийного образа Чешской Республики в русской среде [2] подтверждают, что русские, как правило, указывают на близость русской и чешской культур, на схожесть двух «миров», их принадлежность к одной и той же цивилизации. Русские подчеркивают общие славянские корни, схожий исторический опыт, близкородственность языков. Подтверждает этот факт и выступление консула РФ М.Н. Леденова в Карловых Варах во время переговоров в Западнечешском университете (Пльзень) в 2016 году: «Давайте сосредоточимся на том, что нас соединяет, не на том, что нас разъединяет» (М.Н. Леднёв, 2016). Или обращают внимание на универсалии, всем понятные всечеловеческие достоинства, например, профессор ВГСПУ В.И. Супрун во время командировки в Западнечешском университете в Пльзене в 2018 году заметил: «Мы живем на одной планете, делаем общее дело» (В.И. Супрун, 2018). Русские студенты заявляют: «Мы себя чувствуем так, как будто не покидали родной город» (стажерки из Елабуги на кафедре русского языка Педагогического факультета Западнечешского университета в Пльзене, 2017).

Для чехов, напротив, близость культур не является мотивационным фактором при выборе вузовской специальности «Русский язык». Скорее наоборот: Россия чешских студентов, помимо чисто прагматических, рациональных причин (торгово-промышленное сотрудничество), привлекает экзотичностью, необычностью, необъятностью. В Чехии воспринимают Россию как своего рода приключение.

В статье мы представим итоги исследования, целью которого было выяснить изменение восприятия русской культуры чехами во время заграничной стажировки.

Исследование было проведено на Педагогическом факультете Западнечешского университета в Пльзене в феврале-мае 2018 г. В течение трех

месяцев было повторно опрошено 10 респондентов: магистрантов (4) и бакалавров (6). Применялись такие методы, как опрос, анкета (до отъезда, сразу после прибытия в Россию, в середине стажировки, после возвращения в Чешскую Республику), опросные листы с повторяющимися вопросами (открытые и закрытые вопросы, вопросы с заранее сформулированными ответами), качественного исследования: ситуативные анкеты (метод незаконченных предложений, образование ассоциативных полей, неструктурированное свободное выражение мнения), интроспективные методы (дневник, ретроспективный разговор). Последние оказались наиболее эффективными в плане выявления чувств и позиций студентов. На основании данных, полученных из комбинации вышеприведенных методов, можно сделать следующие выводы.

В восприятии другой культуры (как близкой, так и отдаленной) играет роль огромное количество факторов: внешних (образ и имидж государства), внутренних (характер и психическая устойчивость личности, ее опыт) и ситуативных (текущие события, личный комфорт: транспортные и жилищные условия, питание, контакт с местными жителями и т. п.). Переживание интеркультурных ситуаций, то есть интеракции между представителями разных культурных кодов, в которые студенты попадали и подвергали их рефлексии.

Восприятие близости-отдаленности динамично, оно меняется во времени. Как показало исследование, у всех опрошенных произошло в течение стажировки и после возвращения смягчение позиций. Однако нельзя говорить о кардинальном перевороте (рис. 1).

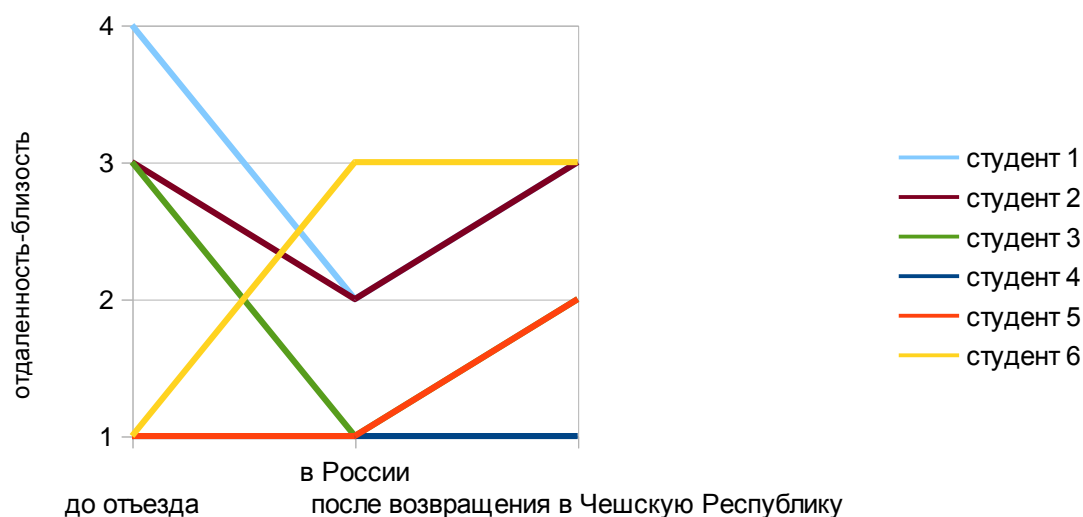

Рис. 1. Динамичность восприятия русской культуры на диапазоне отдаленность-близость (1 = совсем отдаленная, 2 = отдаленная, 3 = близкая, 4 = совсем близкая)

Интересно сравнение с отнесением России к Востоку или Западу, которое не настолько динамично, но разнообразно (рис. 2).

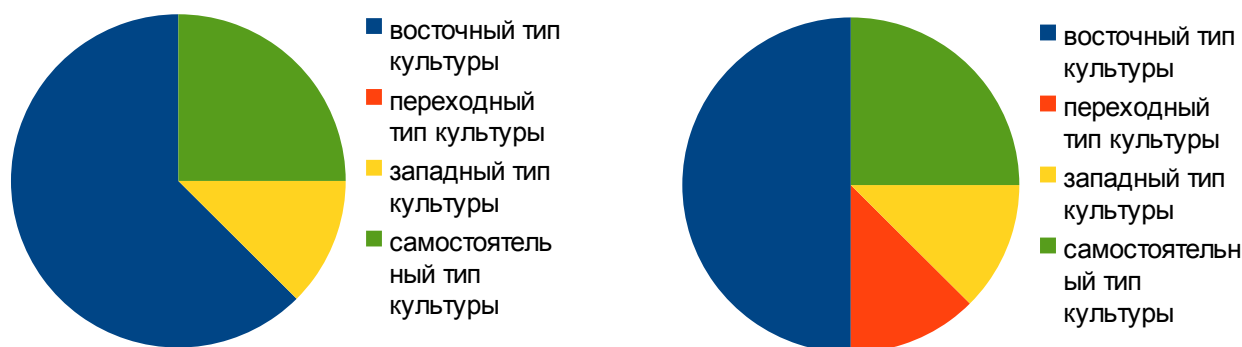

Рис. 2. Восприятие русской культуры, с точки зрения критерия Восток-Запад. Первый график: до отъезда, второй график: после прибытия в Россию.

Исследование показало, что на восприятие другой культуры действует психический механизм потребности утверждения своих мнений. Опрошенные выражаются открыто: «*Opět jsem se utvrdila v tom, že Rusové mají jinou povahu (Я еще раз подтвердил, что русские имеют другую природу)*». Огромную роль во взгляде на чужую культуру играют также ожидания, знания и опыт, сформулированные еще до отъезда. Студенты заранее знали (опрос до отъезда),

на что они будут обращать усиленное внимание: «...*noví lidé, památky, zhoršené podmínky mého života, ruská byrokracie* (новые люди, достопримечательности, ухудшение жилищных условий, русская бюрократия). Живы предрассудки и стереотипы, что поражает особенно в случае студентов-русистов, которые определили свои ассоциации с Россией большей частью в совсем конвенциональном виде: «*борщ, Мамаев курган, Красная площадь, Владимир Путин, Антон Городецкий*». Но в некоторых случаях эти ассоциации возникли после стажировки: «*Vladimir Putin, Mamayev Kurgan, Zabivaka a MS ve fotbale 2018 (+budova stadionu ve Volgogradě), malíř Šilov, jehož výstavu jsem navštívila, patriotismus*. (Владимир Путин, Мамаев, Курган, Забивака и ЧМ-2018 (+ здание стадиона Волгоград), художник Шилов, чью выставку я посетил, патриотизм»).

Однако ожидания бывают хуже, чем реальность. В случае России можно говорить даже о перевернутом «парижском синдроме»: «*První příjemný šok byla cesta vlakem, jeli jsme Rudou stříelou, celý vlak byl čistý, upravený, personál milý a ochotný. A hlavně - přijeli jsme přesně na čas! O tom si u nás můžeme nechat jen zdát...; Mě vždy udiví, když je na mě s oblasti služeb v Rusku někdo milý* (Первым приятным шоком была поездка в чистом поезде. Персонал был дружелюбным и услужливым. И самое главное - мы приехали вовремя...))»

Итак, сравнение является имманентным свойством наблюдения за другой культурой. Человеческая мысль категорична (Allport 2004, 215), она не позволяет человеку не сравнивать. Данный факт подтверждается также в лексическом плане ответов из записка студентов: «*oni/my, u nich/u nás, tady, vypadá jako naše, náš životní styl...* (они / мы, с ними / здесь, здесь, выглядит как наш, наш образ жизни)». Ради точного сравнения студенты прибегают к описательным параллелизмам, сравнивая с исходной культурой, (то есть они «улавливают» близкое): «*Vyrazili jsme tedy k historickému muzeu Ruska ve Volgogradě vypadá něco jako naše Techmánie; Mimochodem hráz mi připomněla, armádní most přes Berounku v Jateční ulici, jak to tam drnkalo...* (Таким образом, мы пошли в

исторический музей в Волгограде (что-то вроде нашей Техмании; кстати, мне напомнила дамба, армейский мост через реку Бороунка на улице Ятечни»).

Необходимо особенно отметить один из важных результатов исследования: происходит сравнение не только бинарное, и ни в коем случае только сравнение русская-чешская культуры. Данное поколение студентов, иногда называемое «постдигитальным», несомненно, полностью усвоило жизнь в условиях глобального мира. Студенты-путешественники выражают свой опыт со «всем миром»: «... *věděl že v Moskvě, kde jsme přestupovali není nikde na letišti vyhrazené takové místo jako je jinde ve světě zvykem...* (он знал, что в Москве, куда мы переезжали, в аэропорту нигде не было места, как обычно ...)». Свою национальную идентичность они осознают и демонстрируют на фоне жизни в мультикультурном обществе, воспринимаемом как естественный факт. Они привыкли действовать в межкультурных интракциях разного типа (студенты-иностранцы, Россия — многонациональное государство): «*Večer jsme s Innou rozebírali, jak jsme vlastně na tom dobře v Čechách ve srovnání s Venezuelou!; Stále mne krmí, stále volají kušaj, kušaj. Také se stále pije čaj..., všichni přijdou několikrát denně ke stolu a vesele štěbetají tatarsky...* (Вечером мы с Инной обсуждали, как у нас дела в Чешской Республике по сравнению с Венесуэлой! Они продолжают кормить меня, они все еще называют меня каджай, кушай. Кроме того, все еще пили чай ..., они все приходят к столу несколько раз в день и весело болтают)». Сравнение осуществляется также на «внутрироссийском» уровне: «*V tomhle směru jsem se v Petrohradu určitě cítila lépe a bezpečněji než v Moskvě.; Končeneť jsme v mé milé Jelabuze – tady jsou lidé příjemní.* (В этом отношении я, конечно, чувствовал себя лучше и безопаснее, чем в Москве в Санкт-Петербурге. Наконец-то мы в моей дорогой Елабуге - здесь люди приятные; Центр Саратова напоминает Арбат)». Самое ценное – это сравнения, спустя время, поскольку первая встреча с другой культурой приносит более яркие впечатления, которые во второй и последующие посещения теряются, но, их заменяет приятное ощущение «своего, знакомого».

Первые дни в русской среде можно назвать этапом поляризации (терминология из графика развития интеркультурной коммуникативной компетенции - по Hammer [3]) или пассивным этапом. В дневниках встречаются сравнения с исходной культурой. Постепенно позиция меняется. Приблизительно после четырнадцати дней начинается явный процесс адаптации и снижается количество сравнений вообще. После месяца снижается и количество дневниковых записок, так как погружение в культуру настолько интенсивно, что некогда их писать, и, конечно, все больше и больше переживаний является «нормальными» и не стоит их записывать. Во время стажировки жизнь в некоторых аспектах возвращается в свое обычное русло, студенты начинают вести тот же самый образ жизни, как и дома: появляется свой парикмахер, любимый магазин ....

Адаптационные процессы проявляются также на уровне поведения. В определенной мере происходит принятие выбранных норм русского этикета: «*Včera, 8.3.2018, jsem šel večer okolo 20:30 koupit holkám květiny (8 марта 2018 года, я пошел покупать цветы для девочек около 20:30 вечера)*». Весьма интересен языковой фактор адаптации. Все дневники были написаны на чешском языке, но у всех респондентов появляются русизмы. Респонденты прибегают к русизмам чаще всего из-за языковой экономии: в чешской культуре нет реалии, лучше использовать русское слово, чем сложно описывать «*Neměla jsem **пропуск*** (Она не сделала пропуск)». Появляются даже неологизмы, кальки «*24H květinářství (Цветы 24 часа)*». Использование русских слов придает повествованию аутентичность «*Všichni vědí, že jsme studenti **из Чехии**. (Все знают, что мы студенты **из Чехии)***». Часто встречаются также неосознаваемые русизмы «*Nudně jsem se **brouzдал** po obchodech. **Žalovali jsme si** na to, jak je ta kolej **strašná**. **Došli jsme do** našeho místa. (Я **скучал** по магазинам **скучно**. **Мы жаловались** на то, как ужасен был колледж. **Мы пришли** к нам)*».

Исследование доказывает, что сравнение в решающем количестве случаев сопровождается оценкой. Известно, что образ другого является продуктом именно эмоциональной психической активности индивида [6]. Особенно в начале

стажировки студенты часто прибегают к экспрессивной лексике, чтобы описать силу своих эмоций, иногда и к иронии: «*Погода приятная -7 градусов*». Со временем растет количество положительных отзывов: «*Volnost. Potenciál. Patriotismus. Zajímalo by mě, odkud ty čerstvé věci v tomhle mrazu berou? Moc pěkné knihkupectví...* (Свобода. Потенциал. Патриотизм. Интересно, где **свежие** вещи взять в этот мороз? Очень хороший книжный магазин ...)

Частотность оценки, как и других переменных, динамична. В процессе адаптации оценочные элементы постепенно уходят на второй план, все чаще в записках встречается лишь описание интеркультурной ситуации без сравнения и оценки. В дневниковых записках мы находим описание довольно экзотичных переживаний, но уже без комментариев о культурных различиях, без демонстрации удивления. Значит, после определенного времени в инокультурной среде стажеры достигают желаемого этнорелятивизма, понимают, что идентичность человека многогранна, индивидуальна, не ограничена лишь принадлежностью к культуре. В записках проявляется развитие интеркультурных умений (отказ от черно-белого взгляда на мир, слишком быстрого суждения, от упрощенного толкования явлений и ситуаций)

В течение исследования студенты описывали свои впечатления о близости или отдаленности культур. Оказалось, что привести перечень сходств и различий обеих культур самостоятельно и в структурированном виде для респондентов относительно трудно (некоторые опрошенные оставляли такие задания пустыми). Только в конце исследования студенты должны были определить специфику русской и чешской культур в рамках общепризнанной типологии культур [5, 184-193] (рис. 3).

Критерии:

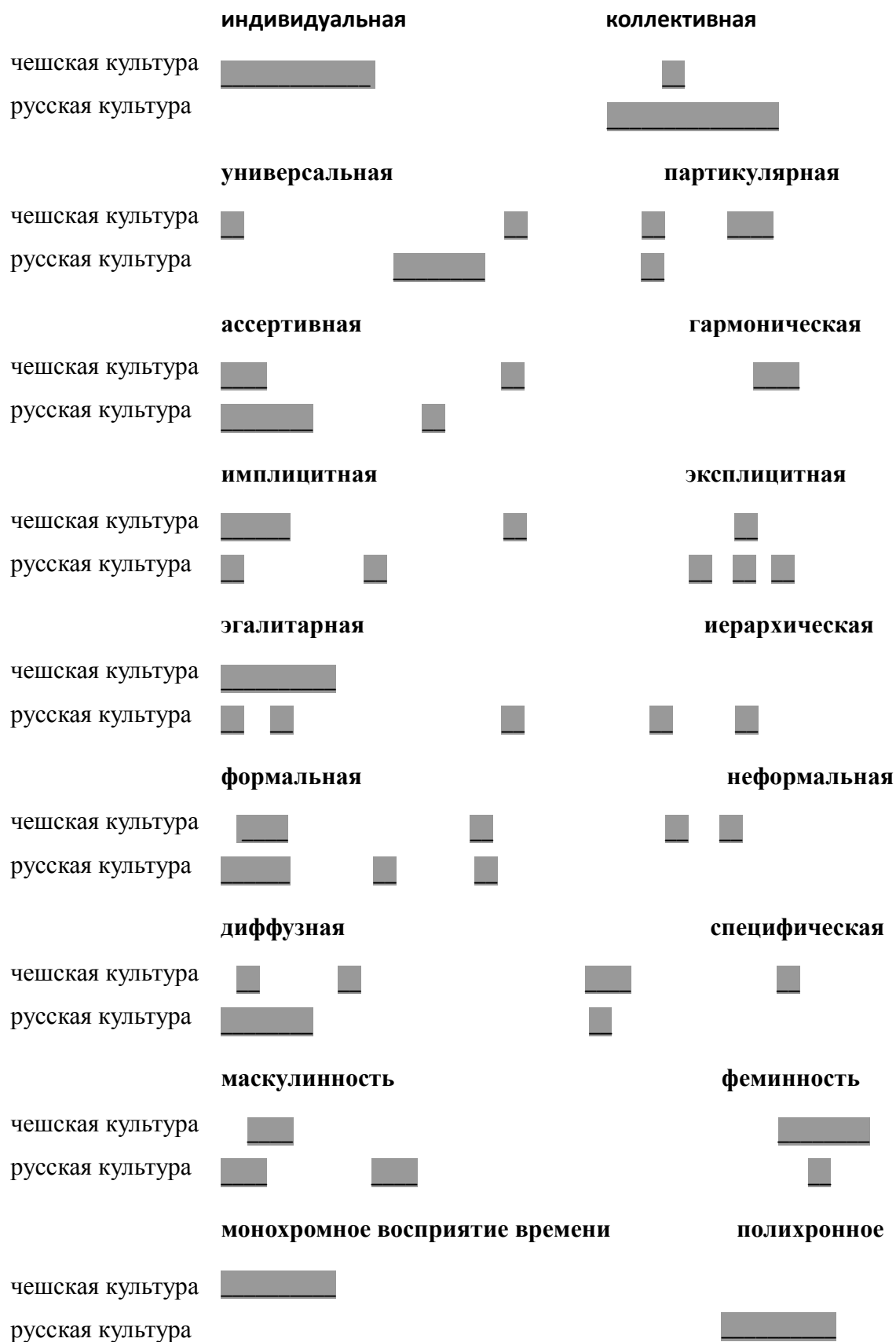
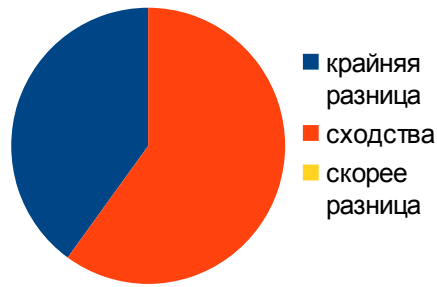
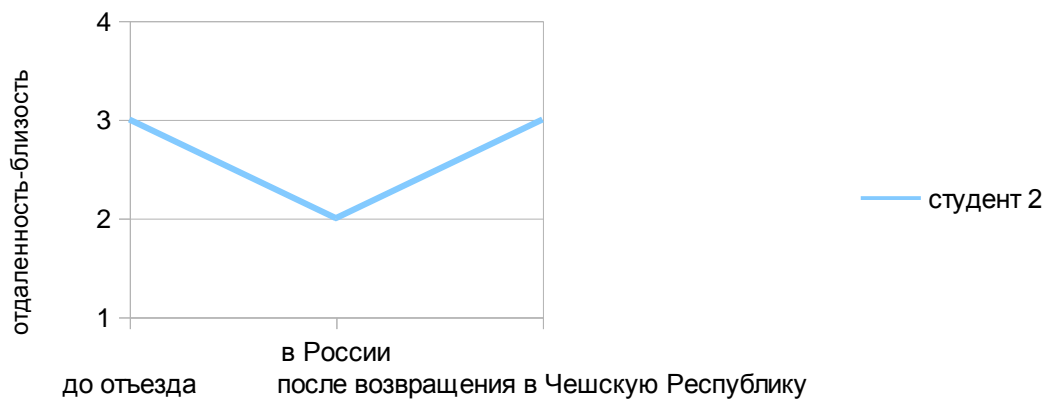

Рис. 3.: Характеристика культур по типологии культур (Samovar 2013)

Сравнение ответов конкретных респондентов в анкетах (близость-отдаленность) и их ответов, касающихся типологии культур, подтверждают нашу гипотезу. Стажёры, которые обозначали русскую культуру близкой, отмечают меньше различий по типологии культур, и наоборот (рис. 4. рис. 5).

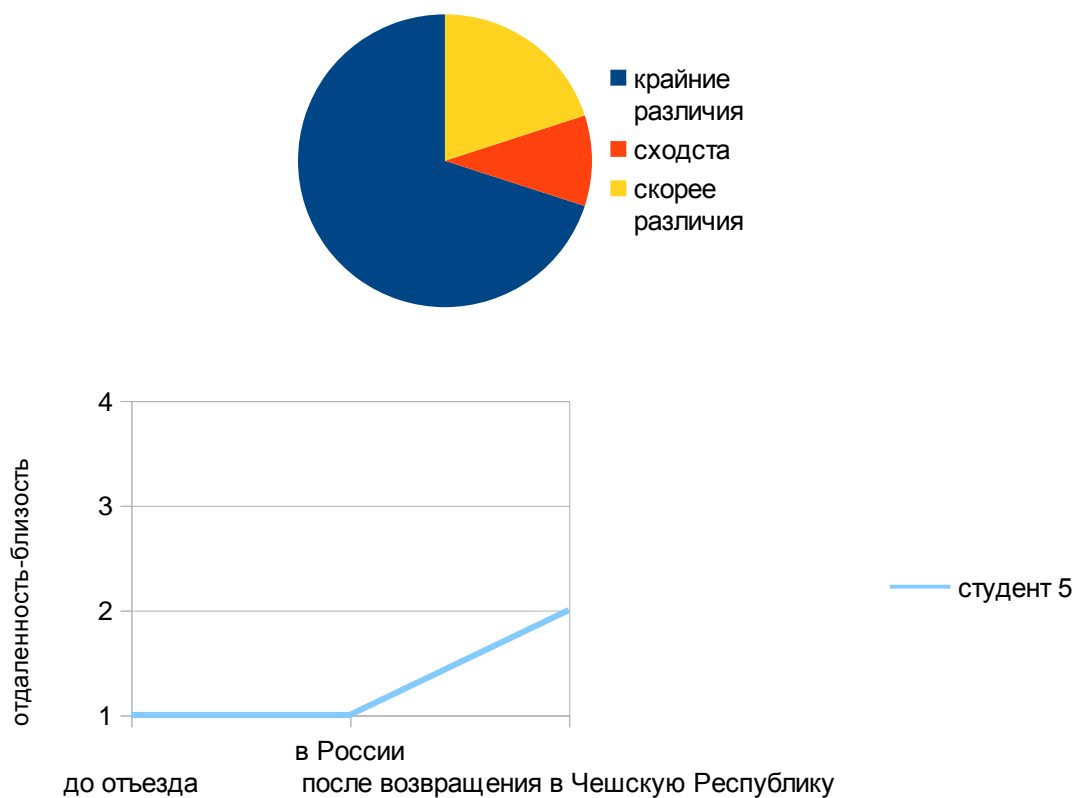

Рис 4,5.: Сравнение ответов по близости-отдаленности и типологии культур — больше сходств

Итак, восприятие близости и отдаленности русской и чешской культур динамично и смешано. Нельзя сказать, что близость связана с положительной оценкой и отдаленность - с отрицательной или наоборот, все зависит от конкретных ситуативных условий.

В заключение хотелось бы напомнить, что одной из основных задач преподавателя иностранного языка является выполнение роли интеркультурного медиатора. Этой цели трудно достичь без прямого опыта с другой культурой, аутентичных переживаний, осознанного подхода к интеркультурной теме и, конечно, без развития самостоятельного мышления. Сами студенты положительно оценивают эффект от заграничной стажировки: *«Tohle je další perfektní kompetence, kterou člověk získá zahraniční stáží a cestováním obecně. Jak to vlastně ve světě chodí bez ovlivnění masmédií (Это еще одна совершенная компетенция, которую можно получить за границей и во время путешествовать в целом...)»* Фактор восприятия близости или отдаленности

другой культуры играет только вспомогательную роль на пути к интеркультурно-компетентному преподаванию русского языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Allport G.W. O povaze předsudků. - Praha: Prostor, - 2004. 574, ISBN 80-7260-125-3.
2. Pjičeva L, Komarovsky J., Prorok V Rusko ve 21. století : politika, ekonomika, kultura. - Plzeň: Aleš Čeněk, - 2013. - 515, ISBN978-80-7380-436-7.
3. Hammer M.R. The Intercultural Development Inventory: An approach for assessing and building intercultural competence. In: MOODIAN, M. A. (Ed.). Contemporary leadership and intercultural competence: Exploring the cross-cultural dynamics within organizations. Thousand Oaks, CA: Sage, -2009. - 203-217, ISBN 978-1412954532.
4. Pospišil I., Kulturní a politický význam rusistiky (Několik poznámek a zamyšlení). - Hradec Králové: Gaudeamus, - 2013, s. 149-155. ISBN . ISBN 978-80-7435-621-6.
5. Samovar L.A., Porter E.A. Communication between Cultures. Wadsworth: Centgage learning, - 2013. - 426, ISBN 978-1111349103.
6. Чепкасов А.В. Имидж, образ, стереотип, бренда, репутация: сходное и специфичное // Русский язык за рубежом, 5/2017. с. 74-82, ISSN 0131-615X.